

УДК 340

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КЛАССИКОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Н.Ю. Гурьянов, А.В. Гурьянова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара

Рассматриваются философские концепции права Канта и Гегеля, содержащие систематическое изложение основ права и зачатки многих современных принципов правопонимания. На примере трудов немецких классиков авторы прослеживают становление таких общепризнанных в современном мире правовых норм и представлений, как защита прав и свобод человека и гражданина, признание всеобщего равенства людей, распространение принципов гуманизма.

Ключевые слова: философия права, Кант, Гегель, правовое государство, гражданское общество.

Развитие философско-правовых представлений в XVIII–XIX столетиях ознаменовано появлением ряда концепций, содержащих систематическое изложение основ права. Эти последние коренным образом отличаются от всей предшествующей традиции интерпретации права. В более ранние эпохи рассуждения об особенностях правовых отношений носили фрагментарный характер и входили в состав политико-литературных произведений. В трудах же немецких классиков впервые оформились подлинно философские теории права [1, с. 68–77]. Первым систематическим изложением философии права может считаться философская концепция *И. Канта*, изложенная в ряде статей, таких, как «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «К вечному миру», и обобщённая затем в «Метафизике нравов».

В своих рассуждениях *И. Кант* исходит из того, что во всех человеческих поступках – даже таких, которые имеют своей основой злобу, глупость, тщеславие или страсть к разрушению, – проявляет себя некий изначальный «замысел» природы, её план и предусмотрение. Высшей же целью природы, по мысли философа, является развитие всех ее задатков, заложенных в человеке. Причем человечество должно самостоятельно справиться с этой задачей, открыв тем самым для себя путь к счастью и совершенству. А это возможно лишь при условии построения всеобщего правового гражданского общества. Все остальные задачи человечества, согласно *И. Канту*, могут быть достигнуты лишь в случае обеспечения справедливо-гражданского устройства. В нём найдут своё логичное разрешение все наиболее значимые исторические проблемы, испокон веков сопровождавшие развитие человечества.

По своей природе человек стремится к полной или, говоря словами *И. Канта*, «необузданной» свободе. Однако эта природная склонность лю-

дей мешает их совместному общежитию. Следовательно, самой природой в человеке заложено и ограничение его свободы. Сама природа побуждает его образовать гражданское общество, в котором будет обеспечено оптимальное сочетание указанных человеческих наклонностей. Ограничения, накладываемые на свободу правилами совместной жизнедеятельности людей в гражданском союзе, приводят к формированию и развитию науки, культуры, искусства, а также к появлению цивилизации. Следует обратить особое внимание на то, что ограничение человеческой свободы, по И. Канту, выступает именно как *положительный фактор*, способствующий прогрессу во всех областях жизнедеятельности людей.

Будучи от природы существом свободным, человек обычно злоупотребляет своей свободой во вред другим людям, следовательно, ему необходим господин. Однако господин опять же избирается из числа людей, т. е. тот, кто выбран управлять обществом, наделен теми же качествами, что и любые другие люди. Именно поэтому наиболее сложной задачей при организации наилучшего социального устройства является обеспечение справедливости. В ходе исторического развития человечества эта задача может быть решена не на ранних стадиях, а в более поздние эпохи, в таких социальных системах, где в общих чертах уже сформировано представление о «природе возможного государственного устройства» и имеется «добрая воля» для реального осуществления такого устройства. Однако добрая воля государственной власти в сочетании с требованиями общей справедливости является, по И. Канту, очень сложной проблемой. Она может быть решена не полностью, а лишь частично, поскольку «...из столь кривой тессины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее вверила нам природа» [2, с. 190].

Как считает И. Кант, истинная причина формирования гражданского правового государства кроется в *антагонизме* природных задатков человека, наиболее полно проявляющем себя в системе социальных отношений. Такого рода антагонизм обуславливает потребность человека в общении с другими людьми и вместе с тем свойственные ему склонность к уединению и необщительность. И то и другое И. Кант считает базовыми природными наклонностями человека. Первая подталкивает его к союзу с другими людьми; вторая, обусловленная желанием действовать в соответствии со своей индивидуальной выгодой, вызывает осуждение и сопротивление со стороны окружающих индивидов, поскольку каждый из них обладает точно такими же качествами. Как следствие, человек вынужден постоянно бороться за устойчивость своего существования, защищать своё положение среди соплеменников, «...которых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может и обойтись. Здесь начинаются первые истинные шаги от грубости к культуре, которая, собственно, состоит в общественной ценности человека» [там же, с. 188].

Ещё раз подчеркнём, что, по мысли И. Канта, совокупность отрицательных качеств человека в их антагонистической соотнесённости с качествами положительными, целесообразно направляемыми природой, не только приводит к формированию морали, цивилизации и культуры, но и

обуславливает потребность в правовом регулировании природных устремлений людей. Вражда между индивидами предопределена их природными задатками, но сама же природа подталкивает их к устранению этой вражды, побуждая образовать правовое гражданское общество. Следует отметить, что эта анализируемая И. Кантом проблематика является весьма актуальной для нашей современности, поскольку выводит в ракурс рассмотрения целого комплекса проблемных вопросов в системе правоотношений, таких, как функционирование властных структур, свойственные им привилегии, степень ответственности за принятые решения и мера отражённой в них справедливости. В свете вышеизложенного можно вспомнить и один из важнейших принципов правового государства, а именно равенство всех, в том числе, разумеется, и властных структур, перед законом.

Заметим также, что обезличение закона и всеобщность его распространения – это, по сути, намеренный приём, который может, по мнению сторонников теории правового государства, поставить в соответствие с правовой мерой и обеспечить возможность контролировать поведение и деятельность любого властелина. Казалось бы, это дает достойное разрешение поднятой Кантом проблемы. Но здесь опять же возникает одна проблема: кто именно должен будет приводить в действие пусть даже самые хорошие и справедливые законы? И как только поднимается этот вопрос, поставленная И. Кантом проблема вновь становится актуальной. Может ли она быть разрешена окончательно? Чисто теоретически, да. Закон сможет действовать для всех без исключения только тогда, когда он превратится во внутренний регулятор человеческого поведения, станет устойчивой внутренней *моральной* нормой. Но в этом случае следует признать, что он перестанет быть правовым законом в собственном смысле слова.

Изложение философско-правовых воззрений И. Канта хотелось бы завершить следующей цитатой: «...природа даже в проявлениях человеческой свободы действует не без плана и конечной цели...» [там же, с. 191]. Исходя из этого допущения, «мы могли бы, – считает И. Кант, – беспорядочный агрегат человеческих поступков, по крайней мере, в целом, представить как систему» [там же]. Иными словами, исторический процесс развития человеческой цивилизации демонстрирует нам «закономерный ход улучшения государственного устройства». Если же нам удастся в полной мере выявить данные закономерности, это позволит с научной точностью объяснять реальные действия и предсказывать будущие трансформации государственных механизмов. С этим связана, быть может, излишне оптимистичная надежда немецкого философа на то, что «когда-нибудь, не очень скоро человеческий род достигнет, наконец, того состояния, когда все его природные задатки смогут полностью развиться и его назначение на земле будет исполнено» [там же, с. 193].

Система философско-правовых воззрений Г.В.Ф. Гегеля основана на признании полной зависимости человека от сил природы в его начальном естественном (природном) состоянии. Это состояние характеризуется насилием, варварством, некультурностью, отсутствием какой бы то ни было справедливости. Разумеется, в таком состоянии не существовало ни-

какого права, поскольку право по сути своей связано с возможностью осуществления свободы в действительности. Естественное для человеческого рода состояние дикости было преодолено с появлением гражданского общества. Именно в условиях гражданского общества возникло право как цивилизованное средство регулирования социальных отношений, ставящее целью обеспечить гарантированную законом свободу любого человека.

Как следствие, центральным понятием в философии права Гегеля становится не «естественное право», а «свобода». Последняя квалифицируется в качестве неотъемлемого свойства человека, которое просто не могло быть реализовано в период первобытности и дикости. В реалиях же гражданского общества право призвано пресекать те деяния человека, которые направлены на ограничение свободы других людей. Это содействует осуществлению таких естественных потребностей, побуждений и целей, которые связаны со стремлением человека сохранить жизнь, здоровье, собственность, честь, достоинство, т. е. всё то, что обычно связывается с неотъемлемыми правами человека как личности. Будучи сущностной характеристикой человека, его свобода выражается в первую очередь в *свободе воли*. Многообразии волевых актов человеческой деятельности проявляется в различных видах свободы, к числу которых можно отнести свободу слова, свободу совести, гражданскую свободу, религиозную и политическую свободу.

Поступок волевого характера всегда обусловлен внешними обстоятельствами, мотивами, побуждениями. Однако это вовсе не означает, что он всецело предопределён внешними факторами, что человек совершает действие пассивно, подчиняясь власти неких высших сил. И это тем более не значит, что внешние обстоятельства выступают побудительной причиной его поступков. Обладающий свободой человек активен всегда, даже в том случае, когда он, вроде бы, и не противится влиянию внешних обстоятельств. «Если человек ссылается на то, что с истинного пути его совратили обстоятельства, соблазны и т. д., – рассуждает Гегель, – то тем он хочет отстранить от себя поступок, но тем самым лишь принижает себя до несвободного существа – существа природы, в то время как на самом деле его поступок всегда является его собственным поступком, а не поступком кого-то другого, т. е. не является следствием чего-либо вне этого человека. Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это» [там же, с. 26].

По Гегелю, законы, выражающие всеобщую волю, являются действительными для всех: любой индивид подчинён этой всеобщей воле. И любой его поступок оценивается другими индивидами в качестве соответствующего правовым нормам, на основании того, что они усматривают в нём как бы проявление собственной воли. Иными словами, каждый человек через свою индивидуальность является выразителем *всеобщей воли*, благодаря которой, собственно, и становится возможным действительное осуществление права, т. е. доведение до отдельного индивида общих законов путём особенного преломления в нём всеобщей воли.

В обыденном сознании свобода тождественна *произволу*. Однако произвол является *относительной свободой*, содержательно зависимой от предмета действия, которым она и ограничивается. «Абсолютно свободная воля отличается от относительно свободной, или произвола, тем, что предметом абсолютной воли является только она сама, а предметом относительной – нечто ограниченное, – пишет Гегель. – Относительную волю, например вождление, интересуется лишь предмет» [там же, с. 30]. Следовательно, в гражданском обществе право предстает как средство и условие действительного осуществления свободы воли: оно нацелено на ограничение произвола, обуздание низменных желаний и побуждений. Именно поэтому Гегель подчеркивает, что право не интересно человеку с позиции его необходимых и естественных качеств.

Дело в том, что право не ставит целью обеспечение индивидуальных намерений человека, ибо любые, и подчас даже самые благие его намерения могут оказаться причиной незаконных поступков, ограничивая тем самым свободу других индивидов. Сфера права также не затрагивает вопроса о том, осознается ли преступником справедливость правовых норм, применяемых по отношению к нему. Будучи выражением всеобщей воли, право никак не зависит от того, знает или не знает его гражданин, или же от того, по какой причине оно исполняется, – в ожидании награды или возмездия, из почтения или страха перед ним.

Важнейшей проблемой философии права является соотношение *права и морали*. Данные понятия, что очевидно, не совпадают, но вместе с тем они являются тесно связанными между собой. Мораль, в отличие от права, требует от каждого индивида *знания, понимания* того, каким является его поступок – справедливым или несправедливым, достойным или недостойным. Такого рода убеждение может быть внешним и внутренним, оно также может основываться на вере в силу авторитета. Подобное убеждение приобретается в ходе воспитания, когда человек научается следовать должному и, более того, считает такое следование моральным поступком. Авторитетом же для индивида может выступать в данном случае не только моральный идеал или конкретная личность, но и сам закон. Обычно следование закону в гражданском обществе является моральным действием. Однако и здесь иногда встречаются несоответствия.

Разграничение сфер действия морали и права приводит к тому, что мораль исключается из содержания права. «С правовой точки зрения, – пишет по этому поводу Гегель, – человек противостоит человеку как абсолютно свободное существо, с моральной же точки зрения – как существо единичное, взятое по своему индивидуальному существованию в качестве члена семьи, друга, в качестве такого-то характера и т. д.» [там же, с. 34]. Мораль обусловлена необходимостью оценивать внутренние, индивидуальные качества человека. Потребность в ней возникает тогда, когда нужно понять и осознать, насколько внешние обстоятельства соответствуют внутренним побуждениям и желаниям личности. Именно поэтому правовой поступок может быть оценен с позиции морали, и также наоборот. Поступок противоправный оскорбителен для всех, поскольку нарушает всеобщую волю, затра-

гивающую любого члена социума. Поступок же аморальный принципиально отличен: он может восприниматься совсем по-другому некоторыми членами общества, не понимающими его глубинных причин и мотивов.

Идея Гегеля о разграничении права и морали еще более полно раскрывается в следующем определении: «Право – это отношение людей друг к другу, поскольку они являются абстрактными лицами. Противоречащим праву является поступок, которым человек не признается как лицо, иначе говоря, поступок, нарушающий сферу свободы человека. Таким образом, правовое отношение друг к другу, согласно своему основному определению, носит негативный характер и не требует, собственно, оказывать другому что-либо позитивное, а требует только признавать его как лицо» [там же, с. 199]. Итак, право предназначается для пресечения любых посягательств на свободу другого человека и исключительно для этого. Моральная оценка в данном случае оказывается областью частного определения, поскольку она не зависима от природы права и основана на принципиально иных критериях.

Осмыслив сущность права, Гегель получает возможность раскрыть специфику взаимодействия права со всеми остальными срезами жизни общества, в том числе со сферой морали: «Суть моральности выражает принцип: рассматривай себя в своей практической деятельности как свободное существо; иными словами, моральность дополняет [практическую] деятельность моментом субъективности, а именно требованием, чтобы 1) субъективное как образ мыслей и как намерение соответствовало тому, что, собственно, является заповедью, и чтобы то, что является долгом, выполнялось не по склонности, не по какой-то неприятной обязанности и не ради щегольства тем, какой ты хороший, а по убеждению, потому что это долг; 2) моральность, таким образом, касается человека в силу его особенности и в отличие от права не является чисто негативной. Свободному существу ничего не предпишешь, отдельному человеку – можно» [там же, с. 201].

По мысли Гегеля, подлинно правовые отношения могут реализовываться только в *государстве*, в котором наилучшим образом выявляется взаимосвязь права со всеми прочими формами общественного сознания. В этом смысле все догосударственные формы, некогда регулировавшие жизнь общества (традиции, обычаи, религии, нравы и т. п.), могут квалифицироваться только в качестве *предтеч* подлинно правовых отношений. «Государство не только скрепляет общество правовыми отношениями, но и, будучи в моральном отношении действительно более высокой всеобщей сущностью, способствует единству в нравах, образовании и во всеобщем образе мыслей и действий (так как каждый духовно созерцает и познает в другом свою всеобщность» [там же, с. 69]. Именно поэтому основой права выступает свобода каждого конкретного индивида, и обеспечение этой свободы равноценно обеспечению личной свободы каждого. Нарушение же прав конкретной личности является оскорблением достоинства всех.

Выраженная в праве абстрактная воля является всеобщим достоянием, несмотря на индивидуальные различия каждого из ее носителей. Разрешенным (дозволенным) с правовой точки зрения выступает все то, что не

ограничивает свободу других людей. «Право содержит, – как пишет Гегель, – собственно говоря, только запрещения, а не приказания, а что не запрещается, то позволено. Но правовые запрещения могут быть выражены позитивно как приказания, например: ты должен соблюдать договор! Всеобщий правовой принцип гласит: ты должен уважать собственность другого! Это не означает, что ты должен сделать для другого что-нибудь позитивное, произвести какое-нибудь изменение в окружающих обстоятельствах, а требует только *не совершать* нарушения [права] собственности. Таким образом, если право и выражают как позитивное приказание, то это последнее лишь форма выражения, в основе которого по содержанию всегда лежит запрет» [там же, с. 38].

Важную роль в философско-правовой концепции Гегеля играет понятие «*собственности*», которое философ проясняет в его связи с категорией «*отчуждения*». Собственность предполагает признание факта обладания вещью на основании договора, когда все остальные люди признают ее моей, а я, в свою очередь, признаю факт владения другими людьми их вещами. Таким образом, каждый индивид, признавая своей свободной волей право собственности за всеми, подтверждает тем самым факт наличия своей собственности. Такого рода признание собственности Гегель считает законным, но не отождествляет при этом понятия собственности и владения. Человек может одновременно распоряжаться вещью как собственностью и владеть ей. Но он может предоставить право владения своей вещью другому, в результате чего этот другой, не имея права собственности на вещь, будет тем не менее ей распоряжаться.

Иллюстрируя данное умозаключение, Гегель пишет, что «собственность представляет правовую сторону этого господства, а владение – только ту внешнюю сторону, что нечто вообще находится в моей власти. Правовое есть сторона моей абсолютной свободной воли, объявившей нечто своим. Эту волю другие должны признать, поскольку она существует сама по себе и поскольку ранее указанные условия соблюдены. Собственность имеет, таким образом, внутреннюю и внешнюю стороны. Первая – это акт моей воли, который должен быть признан, как таковой, вторая же, взятая сама по себе, представляет собой вступление во владение» [там же, с. 41]. Допустим, что-то принадлежит мне на праве собственности, значит, я имею право отчуждать его от себя в пользу другого. Однако такого рода отчуждение считается законным актом только в том случае, если оно осуществляется по моей свободной воле, и никак не иначе.

Однако далеко не все человеческие блага поддаются отчуждению. Точнее, отчуждаемыми являются только внешние блага, т. е. те, которые могут быть названы собственностью в юридическом смысле этого слова. Внутренние же блага, такие, как нравственность, свобода воли, честь, религиозные пристрастия и т. п., являются неотчуждаемыми.

В каких же случаях может совершаться отчуждение собственности? Ответ на этот вопрос у Гегеля связан с введением важного юридического термина *договора*: «Для отчуждения в пользу другого, – пишет он, – требуется мое согласие передать ему вещь и его согласие принять ее: это обоюд-

ное согласие, если оно взаимно высказано и объявлено действительным, называется договором "pactum"» [там же, с. 43]. Немецкий классик анализирует основные виды договора и проясняет их содержание. Он пишет о дарственном договоре (передаче (отчуждении) своей собственности в пользу другого без получения вместо нее стоимостного эквивалента), о договоре мены (обмена собственностью, в основании которого лежит понятие эквивалентной стоимости), о договорах купли и продажи (обмена товаров на деньги, рассматриваемые в качестве всеобщего эквивалента), о договоре найма (отчуждения от себя права владения своей вещью, сохраняющим вместе с тем право собственности на нее). Критерием выделения вышеперечисленных видов собственности выступают у Гегеля различные виды владения, отчуждения и приобретения собственности.

Посягательство на собственность не всегда является нарушением всеобщего права. В качестве примера можно привести такой случай, когда человек, долгое время владевший чужой вещью, заявляет на нее свое право собственности, но при этом признает, что он откажется от этой вещи в случае, если ему будет доказано право собственности на нее другого человека. Тем самым демонстрируется уважение прав другого индивида как юридического лица. Подобного рода споры разбираются в области *гражданского (цивильного) права*. Если же имеет место нарушение всеобщего права, то такое посягательство в отношении собственности относится к *уголовному (криминальному) праву*. Если спор разрешается в ходе гражданского процесса (т. е. в нем принимает участие третья сторона, лично не заинтересованная в каком-то определенном результате) это приводит к восстановлению права собственности, причем ни одна из сторон в этом случае не несет наказания, так как здесь соблюдено всеобщее право.

В рамках уголовного процесса предметом рассмотрения становится «...ущерб, наносимый моей личной внешней свободе, моему телу и жизни или же моей собственности вообще путем *насильственных действий*» [там же, с. 47]. Иначе говоря, он ставит целью рассмотрение того, какие ограничения претерпевает моя свобода, зафиксированная во всеобщей правовой воле. Тем самым уголовный процесс содействует не только устранению насилия, принуждения, но и осуществлению возмездия, наказанию человека, преступившего закон. Несправедливый поступок влечет за собой кару со стороны общества, проявляющуюся в виде справедливого возмездия. Так восстанавливается формальное равенство. Наказание здесь предстает как разновидность мести, однако, в отличие от личной мести, ее осуществляет всеобщая воля во имя восстановления всеобщей справедливости.

Рассмотренные нами выше философско-правовые воззрения Гегеля внесли весомый вклад в развитие современной философии права, акцентировав в ней ряд принципиально важных моментов. Догегелевские концепции в большинстве своем исходили из того, что право следует подразделять на две разновидности – «естественное», т. е. принадлежащее человеку от природы, и право, существующее в обществе. Последнее отличалось от естественного тем, что в нем, как правило, имело место расхождение с принципами и нормами естественного права, которому оно, следовательно, не полно-

стью соответствовало в плане своего содержания. Большинство концепций эпохи Просвещения как раз и были связаны с борьбой за восстановление естественных прав человека как личности. Гегель впервые отказался противопоставлять названные разновидности права: по его мнению, «...благодаря обществу возникают всего лишь особенные права, отсутствующие в том праве, основой которого служит только единичная личность. Но вместе с тем они-то и представляют собой ликвидацию односторонности указанного принципа и его истинную реализацию» [там же, с. 201].

Причиной возникновения гражданского общества и государства, по Гегелю, является не только естественная необходимость, неуклонное действие законов природы, но и *свободная воля*. В этом смысле Гегель пишет об индивидуальном народном духе, основывающемся одновременно на праве и на морали, и о коллективном народном сознании, представляющем для каждого народа объективный фактор его жизнедеятельности. В идеале, государство является тем более справедливым, чем больше оно содействует обеспечению посредством права всеобщей воли народа, и, следовательно, свободы каждого конкретного человека. В этом контексте абсолютно актуальной представляется следующая гегелевская идея: «Государство как нечто всеобщее представляет собой противоположность индивидам: оно тем совершеннее, чем больше всеобщее соответствует разуму, и чем больше индивиды согласны с духом целого. Необходимый образ мыслей и действий граждан по отношению к государству и правительству заключается не в слепом повиновении их приказам и не в требовании, чтобы каждый давал свое индивидуальное согласие на учреждения и мероприятия государства, а в доверии к нему и в благоразумном повиновении ему» [2, с. 203].

Проведенный выше анализ философско-правовых воззрений немецких классиков позволяет заключить, что благодаря их усилиям была сформирована довольно-таки развитая система правовых норм и представлений, легшая в основу многих современных принципов правопонимания. С философских трудов Канта и Гегеля берут свое начало такие общепризнанные в современном мире тенденции, как защита прав и свобод человека и гражданина, признание всеобщего равенства людей, распространение идей гуманизма. Все они выступают основой современной модели правопонимания, индикаторами степени развитости правовой культуры (см.: [4, с. 48–55]), являются базисом ее философского обоснования.

Список литературы

1. Гурьянов Н.Ю. Правовая культура: индивидуальный и социальный аспекты. Самара: СГАСУ, 2012. 152 с.
2. Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. 760 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 618 с.
4. Гурьянов Н.Ю. Фундаментальные правообразующие принципы как индикаторы степени развитости правовой культуры // Изв. СНИЦ РАН. Специальный выпуск «Философия, история, социо-

логия, педагогика, право и экономика». Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. С. 48–55.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL VIEWS OF GERMAN CLASSICS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF LAW

N.Yu. Guryanov, A.V. Guryanova

Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

The article examines Kant's and Hegel's philosophical theories of law that laid systematic foundation of this problem and influenced contemporary principles of law interpretation. On the example of the works of German classics, the authors trace the origin of formation of such universal contemporary norms and concepts of law as the protection of rights and freedoms of human being, the idea of equality of human beings and the basic humanism principles.

Keywords: philosophy of law, Kant, Hegel, legal state, civil society.

Об авторах:

ГУРЬЯНОВ Николай Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: Nikgur@yandex.ru

ГУРЬЯНОВА Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: annaguryanov@yandex.ru

Authors information:

GURYANOV Nikolay Yuryevich. – Ph.D, assoc. Prof., Dept. of Social and Human Sciences, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: nik.guryanow@yandex.ru

GURYANOVA, Anna Viktorovna – Ph.D, Prof. of the Dept. of Social and Human Sciences, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: annaguryanov@yandex.ru